

С Намиком я познакомился случайно, когда бродил по оптовой базе в поисках места. Тот как раз вышел из гаража покурить; на мой вопрос насчет работы он, сплюнув под ноги, ответил, мол, приходи завтра в семь. Я запомнил именно так. Насчет условий и оплаты не уточнил, и так понимая, что рассчитывать на многое не приходится. На следующий день поднялся в полседьмого, и, не успев позавтракать, поехал на базу.

Намуша на месте не оказалось, а другой злющий седой азер в майке без рукавов (его старший брат Илгар, как потом выяснилось), не поднимая головы от бумаг, которые как раз тогда перебирал за столом в гараже, хмуро спросил меня, отчего я опаздываю на час.

-Ты дурак что ли? Тебе как было сказано прийти? Чего тормозишь, работа вон уже идет.

Я сразу растерялся и начал оправдываться. Азер проворчал что-то невнятное, и я так и остался стоять перед ним, как провинившийся ученик, сложив руки у груди. Ни с того ни с сего, резко подняв лицо, он закричал, чего я стою, и я растерялся еще больше:

-Так что делать-то? Вы меня примете?

-Чего-чего? - переспросил тот.

-Вы меня принимаете? Работать мне или как?

-Че?! Чего встал-то? Иди, помогай ребятам

Тут нужно сделать небольшое пояснение.

Переоборудованный под склад огромный гараж называли Базой. Весь этот склад был заставлен коробками и ящиками с фруктами и мешками с овощами. Товар складывался на строительные поддоны, расставленные вдоль стен; пол был бетонный, холодный и влажный.

Был еще второй этаж, вроде балкона прямо внутри помещения, под потолком на рельсах установлена лебедка, но при мне ей не пользовались. Стол был завален калькуляторами, сметами и папками. Перед столом огромные старинные весы, которые я не раз потом помянул плохим словом, и еще - большая, но тусклая лампа. Вот как раз здесь, «на весах», как все выражались, обычно и сидели братья, по очереди взвешивая товар и подсчитывая прибыль. Вообще же с освещением на складе дело обстояло довольно туго.

-Иди, помогай, чего встал? - кажется что-то подобное добавил азер...

...и мне ничего не осталось, кроме как присоединиться к двум непонятного вида типам, чистившим подпорченную капусту, расфасованную в мешки-сеточки. Эти двое убирали верхние, почерневшие от гнили листья, и складывали очищенные кочаны в большие картонные коробки из-под бананов. Работали они слаженно, и в помощи третьего не нуждались. Показав им жестаами, что я тоже вроде как работник, я принялся ковыряться в этой вонючей гнили, но ни черта толком

сделать не мог: в одиночку вытаскивать капусту из мешков, очищать ее и потом собирать в коробку было неудобно, да и глаза мои до сих пор не могли привыкнуть к полутьме.

Здоровенный, до самых глаз заросший рыжей бородой мужик, пробормотал что-то грубое. Второй, лица которого я в разглядеть не мог, так и не замечал, кажется, моего присутствия. Начальник (или заместитель начальника, или еще кто - тогда-то ведь я не знал) больше не обращал на меня внимания.

Так я давно не терялся. Что тут к чему? В голове на все лады закрутились мыслишки: не лучше ли сразу уйти домой, стоит ли вообще здесь работать, а если стоит, то смогу ли я, а если смогу, то заплатят ли, ну и так далее. Я и не предполагал, как все на самом деле скверно.

Никто из этих троих ничего мне не объяснял. Через полчаса где-то капусту почистили и переложили, начался новый этап работы. Более или менее я вник в сущность трудового процесса дня через три, ведь, говорю же, до всего приходилось доходить самому. Поэтому в тот первый день мне любая работа, выходит, была в новинку. Никто на самом деле не смотрел, а мне казалось, что смотрят, и все валилось из рук, я психовал на себя.

После капусты пришлось собирать «точки».

По идее, я раньше не знал, чем приходится заниматься грузчику. Мне казалось, что для грузчика важнее всего сила и выносливость - и то и другое у меня было.

Однако все оказалось сложнее. Судите сами:

Торговых точек у братьев было, помнится, штук десять, или больше - на рынке, и на обоих мини рынках, на Свободе, в нескольких больших магазинах, и две - уличные, дополна, в общем. Собирать товары для точек стало для меня главным мучением на работе. А этим в основном и занимались. Продавщицы напишут, сколько чего им надо, наименований по десять, всего понемногу, а ты как дурак ищи-свищи по всему складу какой-то определенный вид яблок или груш. И не дадут список тебе в руки, нет, Илгар (ну или Намуш, если он на весах) сам выкрикивает товар и вес. Отсюда одна неразбериха, вторая: сколько там всяких названий, ужас просто. Симиринки, Голден, Аргентина, Конференция, Кермел, Китай, Польские, и так далее. Свихнешься раньше, чем все запомнишь, отвечаю. Все путается, плывет перед глазами - а ведь только приступили к работе. И скорей, скорей, скорей, - поминутно кричат оба азера!

Найденные по списку товары набирали в тару, и взвешивали в запрошенном количестве. Не надо думать, что выходило по коробке на одну точку. Одних польских яблок мы иногда отпускали килограммов по пятьдесят на каждую. И большая часть, поверьте, продавалась. Иногда в течение дня продавщицы делали дозаказ. Взвешенный, приготовленный товар выставляли в ряды (ряд означает одна точка) на площадке перед столом. Выходило очень много, иногда приходилось делать четыре, а то и пять рейсов за один день.

С самого начала, не считаясь с тем, что я новичок, Илгар начал меня попрекать. И то, и это не по нему, видите ли. Оставалось только ждать Намуша в надежде, что он подменит этого злого типа. Возражать и спорить я не осмеливался как провинившийся (опоздание на час). Тут все и началось. Бородатый Володя тоже не приходил в восторг от моей работы. Все время меня поправлял, не ругал, правда, но показывал, что недоволен. Третий, татарин Закир, молчал с мрачным видом. На свету я заметил, что один глаз у Закира вытек, это выглядело страшновато. С мужиками Илгар не церемонился, грубил им, но не шпынял, как меня.

Часам к девяти пришел Намуш, они с Илгаром что-то обсудили на своем языке, и младший высказал мне недовольство. Что он сказал, я не смог разобрать, но точно не похвалить хотел.

С грехом пополам собрали точки, стали загружаться. Из двух Газелей, принадлежавших братьям, одна была полной развалиной. Товар обычно грузили в машину Илгара, с продольной желтой полосой на синем тенте: у нас в городе всего одна такая, сразу узнать можно. Эта работала отлично, грех жаловаться.

Товар в кузове приходилось укладывать осторожно и аккуратно. Закир носил вместе со мной, и показывал, откуда брать, но я и здесь пару раз ошибся. Рыжебородый Вова распределял коробки и мешки по кузову. Получалось у него отлично, при выгрузке он не путался, хотя заполнял кузов до самого верха. Я диву давался, какая у него визуальная память.

Потом поехали, братья и Закир сели в кабину, а мы с Вовой в кузов.

Возить людей в кузове нельзя, но братья с этим запретом не считались. Постоянно, как я позже заметил, делали презенты в виде фруктов, причем даже взвешенных и отправленных на точку, гаишникам. Илгар гонял как сумасшедший, неважно, сидел кто-то в кузове или нет. Но когда так гонят, что-то непременно свалится, как ни придерживай. Тем более, на наших дорогах.

В кузове я, наконец, решился поговорить с Володей. Вот, приблизительно, наш разговор:

-Вова (имена грузчиков я подслушал), а что это за мужик?

-Какой?

-Ну, который за рулем-то сейчас...

-Илгар.

-А он кто вообще?

-Начальник.

-А Намуш?

-Намик-то? Да так себе. Ну, младший брат.

-Илгар очень же злой, да?

-Да как сказать. Насчет денег лучше с ним переговаривать.

-В смысле?

-Намик, видишь, жадный. А Илгар мужик понимающий.

-А.

-Ты не тупи, следи, что к чему, и все нормально будет.

-А с деньгами - не обманут?

-Каждый день платят. В конце рабочего дня.

-Это же хорошо. А домой во сколько?

-Когда как.

На рынке и открылась моя оплошность. Одна коробка была явно лишней, Вова не знал, к какой точке она относится. Еще пока добирались, упала кассета с персиками, и две персика раздавило. Персики стоили дорого, за одну штуку десятая часть дневной платы. Бестолковая и придурковатая продавщица с самой первой точки, по кличке «Мартышка» (так ее называли и братья, и Вова) подняла страшный шум. Илгар выскочил из кабины и напустился на нас с Вовой, а Вова дал понять, что виноват я. Попало мне по первое число:

-Куда смотришь?

-Так машину тряхнуло, я что сделал бы?

-Держать надо было, чего в кузове еще делать? Мух ловите там что ли?

-Я сливы держал.

-Сливы он держал...

Потом еще неприятность вышла на второй точке, там же, на рынке, где крытые павильоны. Илгар велел мне стоять у прилавка и «маякнуть», чтоб машина не врезалась задом в прилавок. А я к тому времени от всей неразберихи и ругани до того отупел, что, можно сказать, не понял его распоряжения и так и стоял, пока Илгар не врезался задом в стояк: кузову ничего не стало, а вот стояк прилавка погнулся. Пришлось выслушать Илгарову брань по-новой. Я уж решил даже, меня сейчас прямо выгонят, или даже побьют.

Неудачи этого дня не прекращались. Здесь же, на рынке, не у кого иного, как у меня, в руках порвалась коробка с капустой, очищенные утром кочаны покатались по асфальту, а я стоял, не зная, что тут можно предпринять. То ли отнести мешок, а потом собирать, то ли отложить мешок и сразу собрать - но куда, и как? Зеваки смотрят, Вова смеется, Закиру вроде как плевать, и хорошо хоть Илгар в кабине, вот пусть там и сидит.

Не лучше пошли дела у нашего новоиспеченного грузчика и на других точках: я замучился выслушивать упреки от Вовы. В конце концов, в кузове, теперь чуть не под завязку забитом усохшим и испорченным товаром, который, понятно, нужно было теперь взвесить, мы вернулись на Базу.

Списывать «гниль» оказалось еще сложнее, чем «готовить точки». Во-первых, иногда в одной коробке были собраны несколько разных видов товара, скажем яблоки двух сортов. Нужно распределить по сортам, в две коробки. Но сначала взвешиваешь тару, чтобы потом минусовать вес тары от веса самого товара. Ищешь тару, а ее может и не быть. Потом, допустим, находишь тару, сдуру накладываешь туда яблок - высыпай, сначала взвесить надо. Огромные напольные весы для взвешивания тары (граммов триста) не приспособлены, но азерам на это наплевать.

С гнилью разобрались, и Вова отправился «на обед» - он жил в бараке через дорогу. Закир нашел огурец поплотнее и принялся хрустеть этой гадостью, сидя на деревянном поддоне. Потом еще облизал грязные пальцы.

Я мыкался по всему складу, не зная, что предпринять: после всех злоключений подойти к начальству было неудобно, ни денег, ни еды с собой не было. Илгар завел Газель и уехал домой, а Намуш достал откуда-то мангал и дров, и занялся шашлыком.

Короче, вскоре приехал грузовик с огурцами, и нам с Закиром пришлось разгружать его вдвоем, подавал он, а я носил: Намик не пожелал не только помочь, но и даже сходить до Володи, а нас не пустил. Мол, нечего время терять. Вова вернулся через полчаса, начались пререкания, в итоге я залез в кузов подавать. Да только и тут мне не повезло, коробки какой-то умник установил плотно только с края, а дальше, можно сказать, набросал, как попало, так, что вскоре они обвалились, и огурцы рассыпались.

-Ты косой что ли? - крикнул Вова

-Да я-то откуда знал, что их так неудобно сложили?

-Смотреть надо.

И так далее. А я еще и голодный.

Разгрузили машину, я даже спрятал в карман один хороший свежий огурец, чтобы потом в кузове газели его съесть с Вовой напополам. Начали собирать с Намиком «дозавоз»: это когда кому-то на точке товара не хватает в течение дня. Вернулся Илгар, да еще с женой, да еще злющий, как черт, и ну кричать на всех по любому поводу. Подменив брата, он сел за стол заполнять накладные; из-за слабого зрения он страшно шурился и перегибался через стол, чтоб увидеть отметку на весах. Нет бы взять электронные весы, там все сразу ясно, нет, он мучился и срывал злость на нас. Потом в машине я сломал огурец пополам и половину предложил Вове, но тот отказался. Я, еще пока выгружали товар, заметил, что грузчик немного «поддал».

-Много пьешь?

-Порядочно.

-Ежедневно?

-Наверно, да. У меня времени нет ни на что больше.

-В смысле?

-Никуда не хожу.

-Почему?

-Каждый день работа.

-Без выходных что ли?

-Ну да.

-Черт... а как же отдых?

-Забудь про отдых, ты что. У меня за последние три месяца ни одного выходного не было.

-А сколько ты работаешь уже?

-Четвертый, считай, год.

Я задумался, стоит ли работать тут вообще, и решил примерно так: в конце концов, можно подыскать и другое место, но пока придется держаться за это, раз, говорят, каждый день оплата.

Отвезли дозавоз и вернулись на базу. Основная работа пока закончилась, так что Намик (теперь я про себя называл младшего брата так, как его называли все остальные) свозил нас с Закиром на какую-то дачу, и заставил грузить цемент, 15 мешков.

Потом разбирали картонные коробки, сложили в кипу и перевязали веревкой - на макулатуру. Илгар дал мне две алюминиевые фляги и ведро и велел сходить за водой, не объяснив, где колодец. Колодец еле нашелся; вода в нем оказалась цветущей, что ли, совсем не хотелось такую набирать. Я вернулся на склад и сказал Илгару:

-Слушай, вода там гнилая, не стоит, может. Вон ведь у вас кран есть.

-Ты чего? Тебе сказано, набрать воды, набери. Где фляги?

-Там оставил, у колодца.

-Да ты что, совсем ...?

А чем все кончилось? Вода ему не понравилась. Хотел я со злости все тут и вылить, прямо во дворе, в лужу, но Илгар велел отнести все назад, мол, тут пакостить нельзя.

Вечером полагалось проехать по всем точкам, взять заявки на завтра, взять «гниль», а две «уличные», то есть те, что под открытым небом, забрать полностью. К тому времени я ужасно устал и хотел есть. Настроение оставляло желать лучшего.

Девчонки продавщицы, в том числе и Мартышка, которую я невзлюбил еще на рынке, приехали на второй, барахлящей, Газели, некоторых даже разместили в кузове. На базе, пока мы с Вовой и Илгаром собирали им товар на завтра, эти деревенские дурочки вели себя хуже некуда. Орали, хихикали, путались и путали нас и Илгара, который снова занимался подсчетами. Один деревянный ящик со сливами (мягкие и дорогие товары типа слив абрикосов хурмы и персиков, держали либо в плоских деревянных ящиках, очень, кстати, тяжелых, либо в пенопластовых кассетах) уже взвешенный, сломался у меня в руках.

Вот так, а это только первый рабочий день. Освободился я в девять вечера и получил свои деньги, совсем пустяки по нашим временам.

С тех пор я работал у братьев. Не сказать, что мне там нравилось. Само собой на ум приходит вот что: это было худшее место, где мне доводилось работать в жизни. Сам процесс был тяжелым и унижительным, и гораздо хуже - отношение ко мне начальства. Намик отличался большей трусостью и подлостью, а Илгар - злостью. Накричать на меня по поводу и без такового могли, впрочем, оба.

То, что в первый день мне удалось уйти в девять - редкая, и, в своем роде, единственная удача. Поскольку на завтра мы задержались до одиннадцати, и так три раза подряд. Я сильно недосыпал и ходил осовелый, почти не соображая, чуть не падал, так как вставал около пяти утра. Наконец, на пятый день к вечеру прибыл Камаз, который мы втроем разгружали до двух часов ночи. Под конец у меня начались галлюцинации: в глазах потемнело, и заплесали чертики. Я присел на поддон и чуть не отключился, когда Намуш, хрустя грушей, объявил: не расслабляемся, начинаем собирать точки на завтра.

-Да ты что, у меня сил встать-то нет.

-Устал что ли? Давай-давай, не тяни. Раньше закончим - раньше уйдем.

Пытка закончилась в четыре, и я уж думал, завтра разрешат отдохнуть, но нет, Илгар сказал, завтра как штык в шесть - на работу. Он предложил довезти меня до дому, и я, не подумав, согласился, а велосипед остался на складе. Дома я перекусил, посидел немного и пошел на Базу, даже полчасика не вздремнул.

Наутро братья, сами с не выспавшиеся, обращались с нами, как черти с грешниками, и, кажется, еле удерживались от рукоприкладства. На бледную, перекошенную физиономию Илгара и взглянуть-то было страшно. Даже Вова, который, кажется, никогда не унывал, выглядел, словно его побили. День тянулся и тянулся, одно задание сменялось другим, я почти перестал соображать, но вечером нас ждал сюрприз - еще один Камаз. На этот раз он приехал раньше и был нагружен только на две трети, так что к двум ночи я смог вернуться домой. Растянулся на кровати и прямо в рабочей форме проспал до пяти тридцати.

Когда Володя пошел до дома, перекусить, меня подозвал Намик и спросил, хочу ли я отдохнуть. Конечно, я хочу отдохнуть. Ну, тогда на сегодня ты свободен, завтра приедешь с утра, не опаздывай. А деньги за полдня? Ну, за полдня мы не платим, что ты. Вот так номер, этот нюанс мы не обговаривали. Но после всех моих неудач и промахов я чувствовал себя настолько виноватым перед азербайджанцами, что предпочел не спорить - себе же дороже обойдется. Тем более, и энергии не было. Вернулся домой, постирался, плотно поел и рано лег спать.

На седьмой или восьмой день к нам присоединился Тимур, молодой родственник братьев. По идее, он должен был помогать нам, но на самом деле мешался, хамил и пытался распоряжаться, чем только портил дело.

Илгар, Намик и Тимур - все трое были «игровыми», страшно подумать, сколько они просаживали за день в автоматах. В то время «однорукие бандиты» стояли на каждом углу, это позже их запретили. Куда ни приедем - мы выгружаемся, азеры играют.

Дни мои теперь проходили удручающе однообразно: видит бог, кроме работы и короткого сна жизни у меня не было. Нормально кушал я только дома. На обед негласно разрешалось брать подпорченные фрукты, не спрашивая: так поступали мои напарники, особенно Закир. Но я не пользовался этой возможностью. Так что постоянно работал полуголодный. Похудел, хотя и не слишком, физически ослаб, правда, появилась тупая выносливость. Но ведь человек - не скот! Сдал я и в плане внимательности: вечно считал ворон, заговаривался и так далее.

Дни слились у меня в один. Что в последнее время случилось значительного: позавчера грузовик с помидорами приезжал - Илгар вовремя не понял, что они помороженные, полтонны купил и на все точки отправил. Наутро продавщицы весь вес гнилью отдали. Вот такие новости. Когда это было? Сегодня утром. Опять все в голове перепуталось. О своем внешнем виде я перестал задумываться, мылся, несмотря на лето, раз в неделю, и не спешил постирать рабочий костюм. Не выходил из дома никуда, кроме как на базу. В понедельник, когда рынок не работал, у меня случался как бы выходной: развезешь утренние точки до 11 дня, и домой до шести. Но в шесть едешь их снимать. И еще как раз в понедельник чаще всего приезжал Камаз, который отхватывал добрую половину сна.

Отношения с напарниками складывались, собственно говоря, неплохо. Рыжий Вова, всегда в одном и том же камуфляжном костюме, с татуированными руками, был разговорчивее одноглазого Закира. Иногда он рассказывал мне различные забавные и поучительные истории, касавшиеся братьев азеров. Мира вне этой работы, которая отнимала у него все время, Володя уже толком не представлял. Поэтому мне иной раз было трудно понять его и как человека, а не только когда касалось дела. Он, крепкий, здоровый и нестарый мужик, побаивался работодателей,

кажется, не воровал, не ленился, а получал копейки. Сильно пьяным я его ни разу не видел, и это тоже удивительно. Не знаю, что могло толкнуть человека настолько отгородиться от общества, да и от жизни в целом: не стал и расспрашивать. Тогда я особо об таких вещах не задумывался из-за вечного недосыпа и отупения. Володин напарник, Закир, видимо не имел своего жилья и частенько ночевал в сарае за складом. В основном угрюмый татарин молчал, если мы и перебрасывались словом - другим, то только по делу. К тому же он почти не слышал. Оба грузчика, так или иначе, относились ко мне как к чужаку, да и между собой не дружили. При любой неувязке Вова, которого Илгар все-таки ценил и вроде даже немного по-своему уважал, сваливал вину на меня. Это злило, но, признаться, обычно виноват был и в самом деле я.

Иногда на склад приходили два других грузчика, подрабатывали там время от времени. Высоченный, придурковатый Серега из дома престарелых брался только за самую простую работу, с которой справится даже детсадовец. Например, донести ведро испорченных фруктов до свалки, или разбирать коробки - это получалось у великана не хуже, чем у меня. Но от его помощи в более серьезных вещах нам выходил один вред. Серега все путал, мешался, да еще и громко кричал, когда что-то шло по его вине не так. Азеры его почти не ругали, понимая, что с дурака невелик спрос, но и платили копейки, даже на самые дешевые сигареты не хватило бы. Блондинистый Паша-Комарик (это прозвище для него придумал я) наоборот, не выделялся ростом и силой, в товарах и специфике работы понимал немногим лучше Сергея, но любил умствовать и рассуждать, доказывая, обычно Илгару, свою правоту. Этот Паша носил очки-хамелеоны и зачесывал волосы назад, и, поди, считал себя интеллигентом, но пил одеколон, и, шатаясь под тяжестью мешка или коробки, валился на асфальт - за это ему попадало от начальства, даже физически.

Между прочим, замечу, что в целом братья любили поболтать, и, хотя плохо знали язык, иногда очень остроумно шутили.

Всякий раз при удобном случае я скрывался с глаз начальства подальше. Например, делал вид, что пошел выносить мусор, а потом стоял за гаражом минут по десять. К этим моим отлучкам ни разу не цеплялись, наверно, не замечали. Отдыха, кроме растянутого обеденного перерыва по понедельникам, о котором я сказал выше, нам, можно сказать, не давали. То одно, то другое. Братья готовят шашлык - мы с Закиром колем дрова, Вова разводит огонь. Братьям пришло в голову устроить уборку - вставай, прибирайся. Или повезут за тридевять земель, и помогаешь каким-то их знакомым на огороде: о доплате и речь не заходит.

-Дай хоть отдохнуть, что ли. Устаю ведь, сам видишь, - как-то сказал я Илгару.

-А я (злым голосом, лицо перекошено, глаза сощурены) так не устаю?! Вместе с тобой встаю. Каждый день работаю.

Семь бед один ответ. Как будто мы ломовые лошади какие-то. Сами-то братья физически не трудились...

По-русски оба азера говорили не очень хорошо, объяснялись матом и жестами, я частенько не понимал, что от меня требуется. Володя как-то наловчился «врубаться», как говорится, с полуслова, или даже без слов: оставалось только завидовать ему. Закир практически ничего не слышал, к нему особо-то и не обращались. Хуже всех, соответственно, приходилось опять же мне. Я возненавидел дьявольских братьев и с отчаяния перебирал факты - кто из них хуже. Победителем выходил то один, то другой. Например, Илгар - скажет что-то по ихнему, и ждет ответа. А чем лучше Намик - разгрузили Камаз, а он и не подумал доплатить, как будто так и надо.

-Обед ведь у тебя был, до вечера, что еще тебе надо?

-Так ведь Камаз же...

-Что, устал, что ли? Эх ты...

По ночам после таких задержек я порой не мог уснуть. Во сне, как известно, должен отдохнуть в первую очередь мозг. В этом и заключается благотворное действие сна, иначе и спать не стоит. А тут вроде лежишь, а кажется, что таскаешь коробки с яблоками, или капусту перебираешь: что было последним, то и запоминается, или чем занимались дольше всего; и так до утра. Мозг не может отключиться. В итоге наутро ты ни на что путное не годен, само собой. И ничего с этим не поделаешь: само выходит, не перестроишься.

Приезжаешь на точку вот такой, полусонный, выкладываешь коробки, ставишь на большую, неудобную тележку, не глядя. Бац! - все обрушивается: собирай теперь яблоки и апельсины из-под ног покупателей, смотри, чтоб ничего не напутать. Да еще зеваки привяжутся, мол, чего это - потом мы эти повалившиеся в грязи фрукты покупаем. Черномазая обезьяна Тимур знай смеется, нет бы помочь нам с Вовой, а тот аж слов не находит от злости на мою бестолковость. Так вот и работали.

Уж и не знаю, как Володя выдерживал всю эту свистопляску, наверно, только водка и спасала его. Потом днем в кузове - понятное дело, приходится садиться на дощатый пол или на ящики, никакой тебе скамеечки. Жара и духота под тентом к двенадцати дня такие уже, что чуть в обморок не падаешь, как могут и коробки упасть, если их нагрузить в несколько этажей по-Володиному. Так что и сам не упади, и товару не дай обрушиться.

-Сегодня еще Газель с огурцами будет, слышал, нет? Не расслабляйся особо-то.

-Ох, черт, как я устал...

-Слабак ты еще, вот что. Я вот уже сколько работаю, без выходных все ведь.

-Ты недавно проспал и пришел ближе к обеду.

А, какая, к черту, разница. Было бы спорить из-за чего. Главное, что я сам попал в такую безвыходную ситуацию, которую, в силу своего состояния, даже не мог трезво оценить, не говоря уж о том, чтобы что-то предпринять. Платили нам копейки, а два раза, кроме того, упомянутого, Илгар вообще отсылал меня после четырех часов, не заплатив, мол, поезжай домой, сегодня не нужен ты больше. Может, поведи я себя посмелей и, со мной не решились бы так обращаться. А как наедешь на таких ребят, когда все время спать хочется?

В общем, времени тратить все деньги у меня, конечно, не оставалось. Но то, что удавалось сохранить, явно не окупало такие мучения. Так или иначе, мои бедствия продолжались, громоздились друг на друга, как эти проклятые мешки и коробки, которые я потом долго видел в муторных снах. Пропитанные соком, грязные, почему-то всегда полусосвещенные, облепленные осами. Перебираешь капусту, или хурму, или апельсины, руки все в липкой жиже, аж тошно, а Намуш стоит над душой и следит. Лучшего занятия, видимо, найти не может:

-Ты чего делаешь?

-Да что опять прицепился? - вспылил я.

-Я начальник здесь, и командую, - эта фраза мне тогда хорошо запомнилась.

Сказал бы я, какой ты мне начальник, думаю, да не говорю почему-то.

Или вот:

-Чем смотришь, вон гнилую положил.

-Которую?

-Ты ни черта не видишь что ли?

И понимаешь, какая глупая ситуация, и ничего не можешь поделать, а вечером на велосипеде домой, отоспался немного - и снова на Базу.

Была ли для меня в то время хоть какая-то отрада, позволявшая держаться? Скажу так. Последнее дело, по-моему, когда человек ждет-не дожидается ночи и сна. Так вот, единственной целью и смыслом каждого моего рабочего дня было дожидаться его окончания, забрать, чин по чину, деньги, и отправиться на боковую. Работа я воспринимал как каторгу.

Я могу добавлять и добавлять в этот и без того немалый список горестей, несправедливостей и всевозможных неудобств, но, пожалуй, хватит. Нет смысла растягивать до бесконечности. Не хочется ни выдумывать, ни краски сгущать.

Пора заканчивать

Однажды, в день рождения Бежена, Илгар, во время разгрузки огурцов, оскорбил меня так, что я не выдержал. Призвать к ответу его я не мог, отомстить - тоже, да и если бы мог, не стал бы, но продолжать работать после этого оскорбления не собирался. Человек есть человек, и всему есть предел. В конце рабочего дня я просто забрал деньги, и ушел. А на следующий день не вышел на базу. Что бы мне ни сказали, это было самое разумное с моей стороны. Тогда я и не думал, что впереди меня ждут новые бедствия и мучения.

2

Еще работая у братьев азербайджанцев, я попросил мать попробовать найти мне другое место. Уходить, не будучи уверенным, что сразу перейду на другое место, я боялся. Работать с братьями дальше не мог. В тот несчастный день, когда Илгар меня оскорбил, и я решил больше с азербайджанцами не работать, мать сказала мне: место нашлось, завтра позвонишь, договоришься.

Назавтра был день рождения Серого. Вместо того, чтобы рано утром сесть на велосипед и ехать на базу, я хорошенько выспался. Потом вымылся и подумал, каким же был дураком на протяжении всего этого времени, раз лишал себя этих радостей.

...Трубку подняла женщина, она объяснила, что в магазин их фирмы (называлась фирма «Айсберг») требуется разнорабочий.

-А что от меня потребуется?

-Вам сколько лет?